

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ТГУ
СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

**ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ
В ФИЛОЛОГИИ XXI ВЕКА:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

**Материалы Всероссийской молодежной конференции
23–25 августа 2012 г.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2012

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ PLURALIA TANTUM В ЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ ДОШКОЛЬНИКОВ

К.В. Гарганеева, ТГУ, доцент кафедры русского языка

Многоаспектность исследований детской речи в современной лингвистике связана с многоплановостью самого материала, отражающего, с одной стороны, построение ребёнком «модели системы языка», с другой – осознание закономерностей устройства каждого яруса этой системы. В.Б. Касевич в статье «Онтолингвистика как центральный раздел языкознания» определяет объект исследований лингвистики детской речи как «процесс становления словаря и грамматики», уточняя: «Термин «грамматика», который здесь употребляется в максимально широком смысле, относится, подобно другим аналогичным терминами и к механизму, которым оперирует носитель языка, и к описанию (моделированию) этого механизма в работах лингвистов»¹.

Языковая рефлексия ребёнка, скрытая и вербализованная, сопровождает освоение фонетических, лексических, грамматических средств и позволяет рассматривать процесс речевого развития изнутри. Метаязыковой компонент овладения грамматикой реализуется в выборе грамматических форм из содержащихся в инпуте, в конструировании собственных вариантов этих форм, построении собственных версий грамматических парадигм.

Так, в речевом дневнике Светы Гарганеевой зафиксированы металингвистические комментарии, связанные с освоением грамматики родного языка и отражающие:

- усвоение речевых норм и исправление грамматических ошибок в речи окружающих (Взрослый (В.): *Ты почему бегаешь без носок?* – Света (С.): *Без носков!* (2.10); *А Ира говорит мамина шампунь. Это разве правильно?* (4.9);

- перенос ударения в форме косвенного падежа на ударный слог, актуальный для падежа именительного («изменение акцентологической характеристики парадигмы», ср. данные речи Лизы Елисейевой: *кЛЮчем* (2.3), *вОлков* (2.6), *водУ* (2.6)² (С.: *Смотри, я вот какую горУ подушек сделала – В.: гОру?* – С.: *Нет, горУ. ГорА ведь, а не гОра; ДОмы большие, да же? ДОмы или домА? Мам, я правильно сказала?*);

- выявление грамматической семантики формы существительного (С.: *Я обыграла компьютера [в шахматы]* – В.: *Ты обыграла компьютер?* – С.: *Я обыграла компьютера [голосом выделяет грамматическую форму], он ведь со мной играл, как живой!* (7.2);

- этапы освоения существительных постоянного множественного числа (*Бабушкины бигуди... Бывает одна бигудя? Бабушкины бигудюшки...* (4.8)?

Освоению категории числа имени существительного в раннем возрасте посвящены лингвистические наблюдения и специальные исследования А.Н. Гвоздева³, М.Д. Воейковой⁴, С.Н. Цейтлин⁵. С.Н. Цейтлин указывает на необходимость для осмысленного выбора формы числа соответствующих когнитивных предпосылок, «когда потребность в разграничении количества предметов становится актуальной в том пространстве, которое составляет мир ребёнка», в противном случае использование слова в форме единственного или множественного числа определяется только грамматическими характеристиками существительных в инпуте. Так, автор отмечает отсутствие затруднений в освоении детьми существительных *pluralia tantum* (*ножницы, брюки, санки, часы*), обусловленное именно частотностью использования данных лексических единиц как в речи взрослых, так и в речи самого ребёнка, и одновременно приводит случаи образования форм единственного числа для существительных указанной группы в речи детей 2–4 лет: *Купи одну санку; У тебя один брюк запачкался*. Здесь же можно привести данные наблюдения над спонтанной речью дошкольников: *За одну сутку никак не получится [добраться до Москвы]?* (д.; 4.5); *Одно очко раз-*

битое у него получилось (м.; 4.6). Комментируя подобные неузуальные грамматические формы, исследователи детской речи подчёркивают существенное значение для усвоения семантической сути категории числа ребёнком иконического отображение языковой семантики, т. е. соответствия языкового знака и обозначаемого им объекта действительности по степени сложности ⁶.

Целью специального экспериментального исследования стало выявление металингвистического аспекта функционирования существительных *pluralia tantum* в речи старших дошкольников шести-семи лет (6.0 [6 лет 0 мес.]– 7.0), осмысления детьми указанной возрастной группы данного грамматического явления. Объектом языковой рефлексии стали существительные *pluralia tantum* *санки, брюки, ножницы, очки, часы*. В ходе проведения интервьюирования использовался наглядный материал (изображение объектов номинации для предъявляемых лексических единиц).

Информанты получали задание: 1) назвать предмет (предметы), изображённые на картинке; 2) указать количество изображённых предметов; 3) соотносить существительное с соответствующим местоимением третьего лица (*Это он, она, оно, они?*). Приведём фрагмент диалога исследователя (И.) и ребёнка-информанта (Р.): И.: Что на картинке? – Р.: Коньки. – И.: Сколько коньков? – Р.: Два. – И.: Коньки – это... Р.: Они. – И.: Что на этой картинке? – Р.: Один конёк. – И.: Конёк это... – Р.: Это он. – И.: Что на этой картинке? – Р.: Санки. – И.: Санки это... – Р.: Они. – И.: Сколько санок? – Р.: Один... Ой, одни (м.; 6.3). Далее участникам эксперимента предлагалось сопоставить способы обозначения реальной единичности / множественности предмета в случае с существительными *конёк – коньки, лыжа – лыжи* и *санки: Почему о санках говорим они, даже если санки – одни? Можно сказать по-другому?*

Ответы информантов возраста 6.0 – 7.0 указывают на парносоставность как обязательное качество объекта номинации, находящее отражение в способе именования: *У них [у санок] такие две железки. Не помню, как называются. Только обязательно две, поэтому санки* (м.; 6.0); *Санки едут на двух катках [полозьях]* (м.; 6.3); *У санок есть полозы. Я думаю, один полоз раньше называли санка. Как сделать одну санку? Можно просто разрубить!* (д.; 6.7).

По заданной схеме в процессе интервьюирования рассматривались все вышеуказанные существительные, составившие материал для проведения эксперимента. Полученные комментарии свидетельствуют об актуализации когнитивных, семантических аспектов осмысления грамматической формы. В ответах информантов актуализируется парносоставность и сложносоставность предметов, обозначаемых существительными постоянного множественного числа.

Участники эксперимента опираются на структуру объекта номинации, состоящего из двух частей, в равной степени функционально значимых (*брюки, ножницы, очки*), а также на количественный состав объекта, для которого предназначен именуемый предмет (*брюки – ноги, очки – глаза*). В подобных случаях указывается на нелогичность и несоответствие норме образования формы единственного числа: *Если сказать одно очко или одна очка, значит, что очки разбитые* (м.; 6.4); *Одна брюка – это одна штанина* (м.; 6.7); *Если брюки разрезать, то будет два брюка* (д.; 6.0); *Разве один ножниц так говорят? Говорят тогда нож* (м.; 6.1).

Рассмотрим подробнее факты языковой, полученные рефлексии, полученные в ходе интервьюирования.

Брюки. *Брюки из двух ног. Только часть, через которую надевать, общая* (м.; 6.9); *Одной брюки не бывает* (д.; 6.7); *Брюки потому что их два. Две штанины. Поэтому они* (м.; 6.5).

Участники эксперимента самостоятельно приводят примеры наименований одежды, обладающих идентичной грамматической характеристикой обозначающих объекты подобной структуры и функции:

Штаны. *У штанов две штанины. Их по одной штанине не носят (м.; 6.2); Штаны для двух ног, и поэтому это – они (д.; 6.9); Ну как вам ещё сказать? Одна штана? [смеётся] (м.; 6.0);*

Шорты. *Я в шортах, и они тоже – они (м.; 6.2); Шорты – это как обрезанные брюки, и там тоже две ноги (д.; 6.7); О шортиках тоже нельзя говорить **один шортик, одна шорта, один шорт** (д.; 6.4);*

Трусы. *Их тоже через ноги надевают и тоже на резинке (м.; 6.9); Ещё же есть, извините, трусы. У них две такие дыры. Чтобы ноги просовывать. Трусы тоже сразу они (д.; 6.8);*

Колготки. *Ещё про колготки вам не сказала. Там две такие длинные колготины, сшитые вместе. Также не говорят **одна колготка** (д.; 6.10).*

Метаязыковые комментарии дошкольников содержат обобщение (*Всё, что для ног и нельзя поделить – того сразу как бы два (м.; 6.4); Ноги две, поэтому брюки они и штаны они (д.; 5.6); Это всё из двух частей (6.10), сопоставление (Ботинки вот тоже для ног, но по отдельности. Можно сказать один ботинок, два ботинка – ботинки, потому что по отдельности (д.; 6.1); Носки – не сшитые [не скреплены между собой], а колготки сшитые) (д.; 6.4).*

Ножницы. *Ножницы из двух ножей, поэтому они – они (д.; 6.9); Два кольца, два конца посередине гвоздик. Значит, всего по два (д.; 6.11); Одной ножницы не бывает (м.; 6.4); Ножницы тоже из двух частей (м.; 6.6).*

Очки. *Очки из двух очков (м.; 6.3); Их сразу много, потому что у вас два глаза (д.; 6.2); Очки для двух глаз, их сразу два (м.; 6.3); Одно очко (= линза), если разбились (м.; 6.9); У очков есть два стёклышка, это линзы. Обязательно две (д.; 6.1); У очков две линзы, два заушника и одна переносица. Когда сломаются, тогда всего будет отдельно по одному (м.; 6.4).*

В ответах содержится указание на значение узуальной лексической единицы *очко*, совпадающей в звуковой форме с неузуальной формой единственного числа для существительного pluralia tantum: *Бывают ещё такие очки, которые в игре надо набрать. Одно очко, два очка, три очка (м.; 6.6); Я вчера набрала двадцать очков, а Машка всего три. Также, между прочим, очки (д.; 6.3).*

Интерес представляет сопоставление существительного *очки* с существительным *бинокль*, используемое как в форме единственного, так и форме множественного числа, несмотря на тождественность функции и предмета, для которого предназначен объект номинации: *Бинокль не обязательный, очки обязательнее, чтобы были два стекла (д.; 6.6); Там можно одним глазом посмотреть и что-то всё равно видно (м.; 6.4); У бинокля глаза отдельно, потому что их можно настраивать по резкости (м.; 6.5).*

Слово **часы** также соотносится со сложносоставностью объекта номинации, определяющим грамматическую характеристику существительного: *Часы показывают сколько часов. На них все часы нарисованы. Много часов (м.; 6.7); Часы считают часы, этих часов двенадцать (д.; 6.3); В часах стрелки, считают время, пружинки. Считает часы (д.; 6.8); На часах написано много часов, они называются так (м.; 6.0).*

Логичность отсутствия единственного числа информанты отмечают для названий предметов, состоящих из двух функционально значимых частей.

В подобных случаях указывается на несоответствие норме формы единственного числа посредством окказиональных лексических единиц: *Если сказать одно очко или одна очка, значит, что очки разбитые (д.; 6.6); Как сделать одну санку? Можно толь-*

ко разрубить! (д.; 6.7); Одна брюка – это одна штанина. Значит, порвались брюки, ремонтировать надо (м.; 6.9).

Таким образом, языковая рефлексия старших дошкольников, направленная на осмысление явления постоянного множественного числа имени существительного, отражает тесную связь грамматической категории числа как «самой семантической грамматической категории»¹, лексической семантики существительного и когнитивных параметров окружающего мира, актуальных для говорящего.

Примечания

¹ Касевич В.Б. Онтолингвистика как центральный раздел языкознания // Проблемы онтолингвистики – 2008: материалы междунар. конф. (17–19 июня 2009 г., Санкт-Петербург). – СПб: Златоуст, 2009. – С. 39.

² Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. – М.: Знак, 2009. – С. 176.

³ Гвоздев А.Н. От первых слов до первого класса. Дневник научных наблюдений. – М., 2005. – 305 с.

⁴ Воейкова М.Д. Освоение детьми категории количественности // Семантические категории в детской речи. СПб.: Нестор-История. – С. 266–299.

⁵ Цейтлин С.Н. Детская речь: инновации формообразования и словообразования (на материале современного русского языка): дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1989.

⁶ Воейкова М.Д. Указ соч. – С. 268–269; Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. – С. 89.

⁷ Ляшевская О.Н. Семантика русского числа. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 15.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

Н.Р. Гейко, ЧГПУ, аспирант
Научный руководитель – Л.П. Гашева

Дискурс – сложное коммуникативно-когнитивное явление, в состав которого входит не только сам текст, но и различные экстралингвистические компоненты (знание мира, мнения, ценностные установки), играющие важную роль для понимания и восприятия информации. Элементами дискурса служат излагаемые события, участники этих событий, перформативная информация и «не-события», т.е. обстоятельства, сопровождающие события, фон, оценка участников события и т. п.¹

Лингвистический энциклопедический словарь под редакцией В.Н. Ярцевой определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте, речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, погруженная в жизнь»².

На современном этапе развития лингвистической науки большинство классификаций дискурса выделяют публицистический дискурс в качестве самостоятельного типа. Данный факт обусловлен социальной значимостью той коммуникативной сферы, которую репрезентирует данный тип дискурса: во-первых, информирование массового адресата об общественно значимых проблемах и событиях, во-вторых, формирование социальной оценки этих проблем и событий, в-третьих, управление, манипуляция общественным мнением³.

Изучение «публицистического дискурса» представлено в монографиях и статьях Н. Белозеровой, М. Горохова, Т. Добросклонской, Л. Кройчика, О. Хохловской, Е. Щелкуновой, В. Каменевой, Н.И. Клушиной, И.А. Стернина и других ученых.

М.И. Пташник определяет современный публицистический дискурс – «как разновидность информационно-ориентирующего институционального дискурса, реализуе-